

Сделаем выводы. Мифологема царя-жреца, существовавшая в средневековой Англии в виде концепции квази-священнического статуса короля, играла значительную роль в легитимации монаршей власти и становилась предметом дискуссий на протяжении нескольких столетий. Эта концепция возникла на основе смешения двух видов помазания – священнического и королевского. Наиболее остро вопрос о квази-священнической королевской власти стоял в конце XI – начале XII века, сохранял свою актуальность и в XIII веке (о чем свидетельствуют папские буллы). Окончательно ситуация изменилась после кодификации учения о таинствах: так, в письме папы Иоанна XXII английскому королю Эдуарду II мы читаем, что «помазание королей никак не запечатлевается в душе»¹⁹ (то есть не является таинством). Таким образом, к XIV столетию проблема королевского помазания и дискуссии о его интерпретации стали достоянием прошлого; вместе с ними потеряли свою популярность и представления о квази-священническом статусе короля.

Борисова А.О.¹

Динамика формирования мифологических установок в среде православных россиян в 1990–2000-е годы

Ключевые слова: православие, мифологема, традиция, религиозная практика, сакральность.

Актуальность исследования заключается в выявлении реальных критериев народной веры граждан России, считающих себя православными. Самоопределение «я – православный» слишком размыто и в основном сводится к культурной идентификации, тогда как религиозное выражение народной веры формирует устойчивые мифологические паттерны.

Новизна исследования заключается в семиотическом анализе социологических данных, которые ранее приводились лишь как отдельные признаки респондентов, именующих себя православными. В данном исследовании рассматривается комплекс мифологических представлений о мире, о жизни и о Боге православных и прослеживается путь их формирования в последние 25 лет, начиная с Перестройки.

Метод исследования – сравнительно-исторический анализ массивов социологических данных, а также полевые исследования автора, проведенные в последние три года.

За последние годы наметилась динамика большего вовлечения россиян в религиозную жизнь. Это выражается в возрастающем числе тех, кто соблюдает религиозные традиции и участвует в религиозном ритуале². По мнению философа М. Элиаде, христианство не может быть отделено от мифологического мышления³ и разнообразие мифологем в экзистенциальном измерении современного российского православия показывает это достаточно ярко. На протяжении XX столетия вследствие социальных

¹⁹ «Tum quia Regalis unctio in anima quicquam non imprimit». English Coronation Records. – Westminster, 1901. – P. 72.

¹ *Борисова Александра Олеговна* [borissova@yandex.ru] – аспирант кафедры философии религии и религиоведения Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова (Москва, Россия) – *прим. ред.*

² ВЦИОМ, опрос 23–24 января 2010

³ *М. Элиаде*. Аспекты мифа. – М.: Издательский центр «Academia», 1994. – С. 73

трансформаций сформировался целый спектр мифо-ритуальных воззрений и практик, отражающих социокультурные и психологические аспекты жизни тех, кто называет себя русским и православным.

Стоит заметить, что то, что россияне называют «религиозной традицией» зачастую представляет собой явление народной культуры и имеет мифологические корни. Большинство таких традиций даже если и связаны с православием, то весьма опосредованно, через календарное соответствие или паралитургические феномены. Мировоззренческое основание в данном случае составляют не осознанное соблюдение канонов Православной Церкви, а следование культурной традиции, передаваемой членами социума друг другу. Мифологические паттерны образуются и передаются в процессе социокультурной коммуникации⁴, причем под коммуникативным пространством можно подразумевать не только общность верующих, но и всех носителей религиозной культуры на основании утверждения «я – православный», причем даже оторванных от религиозного ритуала, то есть невоцерковленных. Причем их число стабильно велико – это порядка 75% населения⁵. Эта цифра не означает принадлежности к Московскому Патриархату, и уж тем более знания и исповедания догматов и канонов православия. Число тех, кто все же считает себя чадом Русской Православной Церкви, и участвует в ритуальной жизни, насчитывает 18–20% респондентов⁶, и они являются наиболее яркими носителями мифологического сознания. Любопытно отметить, что путем социокультурной коммуникации мифологемы, рожденные в сугубо религиозной среде усваиваются и невоцерковленными людьми, привнося в их жизнь особые формы восприятия религиозной действительности, подчас значительно искажающие первоначальный смысл.

Лишь единицы верующих хорошо знакомы с догматическими основами веры и уверенно исповедуют их. Число их ничтожно мало и находится на уровне погрешности. Интересно отметить, что даже не все священнослужители являются знатоками православной догматики, что зачастую некоторые их публичные высказывания вызывают непонимание у коллег.

В настоящем докладе будут рассмотрены несколько ключевых мифологических паттернов, характерных для православных верующих.

Первое это *отсутствие иерархичности сакрального*. В сознании верующих происходит уравнивание, а порой и замена, неравнозначных с догматической точки зрения священных символов, действий и объектов. Например, современные московские священники свидетельствуют о распространённом среди прихожан уравнивании Христа, Богородицы и чтимых святых⁷. Святитель Николай или Матрона Московская являются объектами поклонения, равными Христу, а то и «более эффективны»

⁴ Марченко Р.А. Мифологические паттерны современного российского общества в проблемном корпусе социологии культуры // Вестник АГУ, вып. 2 (158), 2015. – С. 168–175

⁵ Аналитический сборник «Общественное мнение – 2012» // М.: Левада-центр, 2012 – С. 166–168

⁶ Там же.

⁷ Экспертный опрос духовенства г. Москвы, 2015–2016 гг, полевое исследование автора.

ми» с точки зрения верующих, так как «они к нам ближе». Вообще, надо отметить, что началось в советские годы паломничество на могилку Матроны, только укрепилось после ее канонизации и перенесения мощей в Покровский монастырь. На сегодняшний день для большинства невоцерковленных верующий паломничество «к Матронушке» является отдельным видом религиозности.

Анонимный опрос, проведенный в апреле 2016 года автором в социальной сети для беременных и молодых матерей Mom life, показал, что даже те, кто совершенно не интегрирован в религиозный ритуал Православной Церкви, совершают поездки к мощам Матроны Московской с просьбами о личных нуждах. При этом достаточно постоять у иконы и приложиться к мощам, даже не присутствуя на проходящих в монастыре богослужениях. Сложившаяся веками специализация святых на сегодняшний день актуализировалась у жителей столицы в одной суперпопулярной святой, культ которой для многих заменил обыденное посещение богослужений. Мало кто пойдет с молитвами об избавлении от зубной боли в храм Антипы Пергамского, но ежедневно тысячи людей приезжают в Покровский монастырь, чтобы испросить семейного и материнского благополучия у Матроны. Данная тенденция наметилась еще в советские годы и подогревая волной религиозности в постперестроечный период набрала максимальные обороты в начале 2000-х годов, и сохраняется до сих пор.

Еще одной мифологической установкой является **равнозначное почитание неопосвященных священных объектов**, обусловленное, вероятно, их вторичная семиотизация, то есть наделение тем смыслом, которого они изначально не несут⁸. Народная вера продуцирует собственную семантику богослужебной культуры, зачастую оставаясь безразличной к догматическим и каноническим основаниям. Таким образом, для прихожан вкушение просфорки или святой воды приравнивается или почти приравнивается к причастию, равно как и помазание елеем на всенощном бдении. Подобное отношение прослеживается в поклонении мощам святых и земельке, взятой в святом месте.

Вкушение обычных просфор натошак является ничем иным как ассоциативным перенесением схемы принятия Святых Даров на богослужебный хлеб, который не освящается на евхаристии и, соответственно, по Уставу не подлежит правилам литургического потребления. То же касается святой воды, взятой после обычного водосвятного молебна, тогда как Уставом предписано употреблять натошак лишь агиасму, то есть освященную великим чином в праздник Богоявления.

Также для многих верующих, не вполне интегрированных в православный ритуал, посещение богослужений суточного круга (утреня, вечерня) является равнозначным посещению литургии, главного христианского богослужения.

Особое место в смещение иерархии сакрального занимают **особо почитаемые народом виды богослужений** и их отдельные элементы. Например, с канонической точки зрения всенощное бдение под праздничную или воскресную службу, как уставное богослужение суточного

⁸ Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Семиозис и семиодинамика теологических и мифологических систем, Тверь, изд. ГЕРС, 2010. – С. 36

цикла, является приоритетным по отношению к акафисту, который иногда включается в его состав⁹. По наблюдению московских священников, популярность акафистов возросла, начиная с 1990-х годов и сохраняется стабильно до сих пор.

Также прихожане московских храмов выражают особое почитание великого входа в чине литургии – много где можно увидеть верующих, встающих на колени во время пения Херувимской песни, тогда как по Уставу коленопреклонения в этот момент не предписано. И, напротив, после освящения Даров на песнопении «Тебе поем...» таковое предписано, но прихожанами не соблюдается. Вероятно, такое отношение к великому входу обусловлено ярким зрелищным литургическим действием, видимым для молящихся в храме – священнослужители выносят святые Дары и богослужебные предметы на солею и после устного поминовения заходят с ними обратно в алтарь через царские врата – тогда как другие, более сакральные моменты богослужения, происходят в алтаре и могут быть идентифицированы только по соответствующим песнопениям. Описанный паттерн отличается стабильностью и не менялся ни в период советского времени, ни в последние 25 лет.

Отдельное внимание заслуживают обросшие богатой историей символов *святые места, связанные с захоронениями*. Народные святыни, устроенные на месте существующих или пустующих могил (кенотафов), на которых, согласно мифу, происходят исцеления и чудеса, в Москве весьма многочисленны. Наиболее известными являются могилы иеросхимонаха Сампсона Сиверса и протоиерея Валентина Амфитеатрова, а также кенотафы ныне канонизированных Матроны Московской и иеросхимонаха Аристоклия на Даниловском кладбище. Наделение мест захоронения сакральными чертами зачастую приводит к превращению могилы в эквивалент храма. Стоит отметить, что несмотря на перенесение мощей последних двух, паломничество к пустым могилам, не прекращается и по сей день.

Следующий комплекс мифологем относится к некоторой части верующих, озабоченных проблемами *экуменизма и эсхатологии*. Динамика всплесков и угасания активности противников ИНН, штрих-кодов, электронных паспортов и межконфессиональных встреч напрямую зависит от повестки дня официальных структур государства и Церкви. Так, например, возникший еще в 1980-е годы среди американских православных дискурс, посвященный проблеме штрих-кодов, постепенно переключался в среду российских верующих и остро актуализировался в 2000 году, после публикации статьи «Можно ли избежать ИНН (Кого слушать и кому верить)» в газете «Русский вестник». Следующий всплеск активности наблюдался в 2007 году в связи с деятельностью епископа Диомиды (Дзюбана), лишённого в 2008 году сана Архиерейским Собором Русской Православной Церкви¹⁰.

⁹ Типикон, си есть Устав, М.: изд. «Общество святителя Василия Великого», 1997.

¹⁰ Определение Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 24–29 июня 2008 года «О деятельности Преосвященного Диомиды, епископа Анадырского и Чукотского»

Обострение антиэкуменических настроений в народе отмечалось совсем недавно, в связи со вступлением патриарха Московского и всея Руси Кирилла и папы римского Франциска, состоявшейся 12 февраля 2016 года в Гаване. К активной общественной дискуссии с осуждением патриарха присоединился давний анти-ИННщик Рафаил Берестов. Однако, уже к середине 2016 года волна обсуждений данного события утихла.

Отличительной особенностью постперестрочного российского православия стала тяга к синкретическим религиозным практикам и большая популярность в народе *магизма и астрологии*. Среди православных и тех, кто исповедует другие религии, астрологическим прогнозам доверяют 21-22%, среди тех, кто считает себя неверующим – только 7%. Вера в приметы 26% православных россиян. Об этом свидетельствует соцопрос ВЦИОМ 2012 года¹¹. Надо отметить, что число людей, которые доверяют гороскопам и астрологическим прогнозам, сократилось за последние 10 лет. Об этом свидетельствуют результаты опроса фонда «Общественное мнение». По данным социологов, если в 2003 году 24% россиян старались следовать рекомендациям астрологов, то в 2014 году таких людей стало всего 17%. А постоянно следят за советами астрологов только 9% россиян.

Существенное место среди народных мифов последнего двадцатилетия занимает концепция *царебожества и образ царя-искупителя*. Мифологема вокруг царя-искупителя сформировалась в период канонизации царской семьи, состоявшейся в 2000 году. Убежденность значительной части православных верующих в сакральности смерти последнего русского царя, как искупительной жертвы за грех русского народа, привело к появлению такого явления как царебожие, или цареискупительная ересь. Среди ультраконсервативных верующих данная мифологема распространяется непублично и реализуется под видом особого почитания царской семьи и специальных неуставных молебнах. Разумеется, общенародный чин покаяния, признанный еретическим, собирает лишь самых отважных сторонников данного учения. Среди остальной части верующих данные взгляды реализуются не столь ярко и, как правило, сводятся к распространению неканонических икон Богородицы, обсуждению масонского заговора и открыто-уважительному отношению к Ивану Грозному. С начала 2000-х тема царебожия постепенно утихла, но была вновь поднята в 2007 году, в связи с освящением храма Новомучеников и Исповедников Российских на Бутовском полигоне, а также в 2012 году, после избрания В.В. Путина на третий президентский срок. Последнее заметное событие в контексте удивительно живучей царебожеской мифологемы произошло в октябре 2016 года, когда в Орле был открыт памятник Ивану Грозному и был освящен известным московских духовников схииерхимандритом Илием (Ноздриным). Вообще, стоит отметить, что рост монархических настроений в последние годы во многом обусловлен государственной пропагандой, использующей историзм как инструмент консолидации общества.

Последнее, что хотелось бы обозначить как одну из характерных мифологических надстроек в мировоззрении православных верующих, это

¹¹ ВЦИОМ, опрос 27–28 октября 2012

негативное отношение к классическому церковному искусству и тяготение к реформированию храмовой архитектуры, интерьеров, богослужебной утвари и богослужебного обихода. В 2000-е годы в моду входит проектирование храмов и храмовых интерьеров в русской стилистике XV–XVI веков, тогда как классицистическая и барочная архитектура, а особенно интерьеры, вызывают неодобрение как «неправославные, католические», чужеродные православному духу¹². Зачастую при восстановлении храмов XVIII–XIX века вместо их исторических интерьеров обустраиваются интерьеры в подражании древнерусскому или византийскому стилю.

Аналогичным образом среди рядовых священнослужителей и прихожан складывается **отношение к церковному пению**. Звучит критика и неприятие исполнения церковных песнопений на музыку композиторов XVIII–XIX веков, ставшей своего рода богослужебной классикой¹³. Исполнение такой музыки часто характеризуется эпитетами «не молитвенно», «как в опере», «в церкви такое петь нельзя». В качестве альтернативы такими критиками предлагается либо древнерусское знаменное или византийское одноголосие, либо т.н. «обиходное», «простое» пение – т.е. негласно сложившееся в непрофессиональных хорах, подчас с грубыми, с точки зрения гармонии, ошибками.

Такое отношение было связано с тем, что в 1990-е годы, открывающиеся храмы не имели возможности содержать полноценные хоры, как это было до революции и в немногочисленных храмах в советское время, и у людей, воцерковлявшихся в это время сформировалась привычка к скудному непрофессиональному пению, а также сказалось общее снижение музыкальной культуры в российском обществе. В связи с возрастающими возможностями путешествовать и посещать зарубежные страны, верующие россияне получили возможность услышать профессиональное пение хоров в православных храмах Греции, что привело к популяризации всего греческого. Вероятно, также сказались модные тренды в области интерьеров, пропагандирующие простоту дизайнера, универсальность и функционализм¹⁴.

В заключение, можно отметить, что традиционные паттерны мифологического сознания православных верующих сформировались еще до возрождения церковной жизни в 1990-е годы и сохраняют свою устойчивость по сей день. Иные же были обусловлены историческим контекстом новой постперестроечной российской реальности и меняли свое наполнение в зависимости от событий и условий повседневной жизни и религиозной практики.

¹² Г. Крылов, протоиерей. Изгнать барокко из богослужения // Богослов.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/4797445.html>

¹³ Козаржевский А. Ч. Московский православный месяцеслов. М., 1995 – С. 112

¹⁴ Тренды современной городской архитектуры // АрхиНовости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.arhinovosti.ru/2014/01/31/trendy-sovremennoj-gorodskoj-arkhitektury/>

